

ПИСАТЕЛЬ

«На кресах всходних»

Кажется, что именно вакуум «русскости», отсутствие настоящего имперского давления в Малороссии, Белоруссии, Прибалтике и Финляндии — отсутствие политической хватки у русской метрополии (по германскому, польскому или шведскому образцу) — не только позволило, но и побудило местные народности к заполнению этой пустоты посредством своего роста под той же самой «шинелью» вечно извиняющейся имперской администрации.

Основное место действия романа — деревня Порхневичи, селение Тройной хутор и другие, имение Турчаниновых Дворец, ближайший городок — Волковыск. Мы наблюдаем в основном сельскую белорусскую жизнь — до Великой войны, во время её и последовавшей революции в Петербурге, во время перемены властей и «польского ренессанса» при «начальнике государства» Пилсудском... Имение Дворец сожжено, граф и половина его безбидной семьи перебиты. Восстанавливается польский субуго буржуазный порядок, при котором православная церковь окончательно заклочена, носы шляхты направлены поверх туземных голов, а реальная власть в деревушке и окрестностях принадлежит коренному местному хозяину — белорусу с претензией на шляхетство.

История трёх поколений старой трудовой и богатейшей семьи местного «владыки» дана Михаилом Поповым очень широко и ярко. Повествование его достигает шолоховского размаха и даже авторский голос в большом романе — спокойный и ровный, словно мы находимся посреди эпического разлива, достигнутого максимума, а потому застывающего в созерцательном равновесии. Видно, что автор крепко «в материале», которым широко делится с читателем.

Две трети романа «На кресах всходних» посвящены событиям Великой Отечественной. И «после Муравьева», наводившего порядок в западных губерниях по итогам польского восстания 1863 года, и после событий 1914-1920 годов Беларусь снова становится одной из арен большой истории. Деревня Порхневичи сожжена, и её жители — словно род или племя много веков назад — во главе со своим вождём Витольдом Порхневичем оказываются всё в той же тысячелетней Пуще. Которая может спасти, а может и погубить. Но кроме выживания в условиях почти диких, кроме крайней нужды, перед «племением» или табором стоит задача ещё выжить в эпицентре столкновения исторических сил: «Все ощущали себя оказавшимися меж двумя жерновыми одинаковой жесткости. Надо выбираться наружу из этой конструкции — внутри, как ни пригибайся, не выживешь».

Но выбираться некуда. Витольду Порхневичу, его сыновьям, братьям, племянникам, всем односельчанам, ставшим семьей-табором, приходится волей-неволей брать на себя задачи партизанского отряда.

Не зря, наверное, белорусов иногда называют партизанским отрядом в центре Европы. Может быть, таким же отрядом можно назвать и сербов. Почему в обоих случаях это славяне? — вот вопрос, который навечно поставлен перед Москвой...

Михаил Попов пишет свою большую историю подчёркнуто сдержанным языком. По всему тексту читатель найдёт множество больших и малых житейских мудростей в точных наблюдениях. Но вот экспрессия, артикуляция, даже, может быть, и динамика этого в общем-то приключенческого романа — оставлена автором на втором месте. Несмотря на детективные приёмы построения сюжета, на хорошую долю мелодрамы в нём. Несмотря на материал, который позволял бы «заострить», «подогреть» повествование. Попов не захотел этого делать, видимо, желая оставить читателю свободное место для восприятия общей идеи.

ди них выходящих из российской глубинки, не расставившиеся в творчестве со своими сельскими местами, болеющие за их судьбу.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Бьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Анашкину! Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора — «На добро — добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Бьюгиной «Папа не пил» («Волшебное солечко», 2019) — когда мама попытается у маленькой дочки, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтовых друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором: «сказать правду о папе, значит фактически предать папу. А не сказать правду — значит обмануть маму. Ребёнку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», — пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает её сторону.

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы». Эта мысль продолжится и дальше, где автор говорит, что военная проза Иванова «помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика». И эта конкретика пронизательна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война — не только кровь и стрельба. «Правда войны — это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...».

Много внимания уделено Станиславу Куняеву, и по причине вполне понятной. Это одна из самых значимых фигур нашего времени — как писатель и как главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева». Цитируя строфы из разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слёзы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно — о трагической судьбе России. И даёт своё

Максим ЕРШОВ

Кажется, лишь раз Михаил Попов даёт волю сердечному порыву — в сцене расстрела гитлеровцами группы еврейских женщин и детей со стариком во главе. Наблюдавшая происходящее из безопасного укрытия девочка в безумном порыве выходит и бежит к построенным в шеренгу своим:

«...Оглянувшийся солдат что-то шепнул офицеру, тот, шурясь, обернулся.

Сара уже была в нескольких всего шагах от шеренги. Не выбирая, она вцепилась в подол средних лет женщины в разодранной, запавшей в чёрную юбку рубаше, с растрепанными, буёно торчащими в разные стороны волосами и абсолютно безумным лицом.

— Мама! — раздался крик...

Сара обхватила женщину за талию и уткнулась лицом ей в плоскую грудь.

— Мама.

Седой старик что-то прокаркал по-своему. Женщина поняла и стала отпалкивать от себя руки Сары и что-то кричать ей. Понять было нетрудно что. Уходи! Уходи!! Немцы с интересом и как бы даже иронически поглядывали на эту сцену, не предпринимая пока никаких действий.

— Мама! — снова налетала девочка с растопыренными руками на женщину, после того как была отброшена.

Женщина била её по щекам и отпихивала, отпихивала. Офицер отдал команду.

Сара вцепилась в женщину...

Долго, секунд десять наверно, было тихо, потом раздалось: — Фойе!

Зап!».

И именно проникновенность этой сцены оттеняет, повторюсь, общую авторскую сдержанность. Не холодность, не равнодушие, нет: это именно сдержанность мудрого наблюдателя, который оставляет читателю свободу вообразить и проникнуться самому. Отсюда же и относительное изобразительное спокойствие: Попов занят большим полотно, и потому лишь нечасто позволяет себе мазки, подобные этому: «Касперович дремал, отворил рот, щёки его алели так, словно ему снился стыдный сон»...

«На кресах всходних» даёт ещё много простора для дальнейших размышлений и демонстраций. Но уважая нашу современную тягу к краткости всякого сообщения, добавлю только следующее. И эрос, и танатос в романе стремительны и стихийны, они напоминают собой шопенгауэровскую Волю — как ветер летящую над пущами и страной. Любовь здесь менее отчётлива и менее окончательна, чем смерть, ибо в конце войны весь партизанский отряд Порхневичей, а значит и вся деревня Порхневичи, гибнет как племя вместе со своим белорусским вождём...

Легко было бы продемонстрировать и в тнани большого произведения, и в его разворачивающемся в бесконечность идейном поле ещё многие значительные и красивые, смешные и фатальные повороты — от хитросплетенной интриги-судьбы до точных человеческих образов героев. Материал Попова соответствует теме — истории. Эрос и танатос это, конечно, и силы, и константы. И всё-таки содержание жизни итожит борьба, в данном случае — всеобщая борьба национальных субъектов, в их, конечно, политическом облачении, обычно соответствующем военной форме. Немцы, поляки, белорусы, евреи, русские — все они имеют красную кровь, хотя замыслы их и разного цвета...

И может быть, главное чувство, которое телится в «подложке» произведения — авторская грусть, которой нет исхода, поскольку это грусть по «третьей правде» для Беларуси.

По окончании истории — будь это кино — оператор должен был бы поднять камеру в самое небо, чтобы пустить её над Белоруссией, скажем, на квадрокоптере. С высоты птичьего полёта хотелось бы напоследок глянуть на эту землю, на эту страну. Я назвал Михаила Попова своевременным (значит, и современным?) писателем, потому что в итоге его романа становится понятно, почему этот народ один не заменил своего советского флага, один сохранил и развил советскую индустрию, один не делает фетиши из языка. Один умеет ценить то, что дало ему русско-белорусское братство.

Становится понятно, что прав — и будет прав — всё-таки Лукашенко, а не бывшая Речь Посполитая, снова разевающая ядовитую пасть. И роман «На кресах всходних» — роман о белорусском народе — является в этой связи необходимым и своевременным напоминанием.

а. Белгород

КРИТИКА

Книгу известного российского писателя Олега Адыль-Гиреевича Этлухова «Далёкое солнце», увидевший свет в Ростовском издательстве «Криптос», можно воспринимать не только как художественно-публицистический роман, но ещё и без преувеличения как поэму в прозе, посвящённую такому прекрасному уголку Земли, как республика Абхазия. О том, что это одно из самых красивых мест на свете, знают практически все, кому однажды довелось побывать здесь или хотя бы послушать восторженные рассказы об этой местности тех, кто туда съездил в отпуск или к кому-то в гости. Многие говорят об Абхазии, что это — «жемчужина Кавказа», и это ни в коем случае не является преувеличением. Красота окружающих гор и лесов, чистота здешних источников, рек и воздуха, доброта и щедрость жителей этих мест — вот только отдельные черты здешнего края, о котором нам с увлечением рассказывает в своей книге известный прозаик Олег Этлухов. «Абхазия — удивительный край, — пишет он в своём романе. — В Абхазии всё особое. И природа, и законы. Все знают, что Бог создал землю из огня и пепла. В Абхазии же все уверены в другом. Так — создавал Всевышний только всю остальную землю, за исключением того кусочка, который назвал Он «страной души»».

Выстраивая глубокие сюжетные линии своего произведения, Олег Адыль-Гиреевич как бы параллельно этому процессу насыщает его неповторимыми чертами людей, вобравших в свои души уникальные признаки уроженцев республики Абхазии. «У абхазского народа, — говорит он, — особый менталитет. Его не смогли изменить ни владетельные князья Абхазии, ни чиновники Царской России, ни коммунисты. Одним из отличительных черт этого менталитета являлись принципы народной демократии и почитание, в первую очередь, таланта и порядочности, а не чинов и богатства». И с таким же доброжелательством и вниманием писатель высказывается о каждом встреченном ему на дорогах и просторах Абхазии человеке и населённом пункте, каждом абхазском блюде и народном обряде. Вот что, например, Этлухов говорит о таком уникальном абхазском селении как Лыхны: «Каждое селение в этом краю, согретое солнцем и Божьей милостью, имеет своё особое неповторимое лицо. Имеет своё лицо и Лыхны. Особенность облика Лыхны состоит в том, что в нём, как в вечной колыбели, лежат и убаживают взор и слух человека тишина, покой и бесконечный уют...». А далее, не в состоянии удержать своего восхищения, он снова отдаёт несколько восторженных строчек этому оригинальному селению: «Особенно прекрасно и неповторимо селение Лыхны после дождя. Местность здесь такая, что даже после сильного ливня, проливающего с небес потоки воды, уже через пару часов земля на улицах и во дворах селения почти сухая. Воздух наполняется неповторимым ароматом смеси запахов близкого изумрудного моря, совсем недалёких

вершин Кавказских гор, свежести множества родников, струящихся по склонам окрестных холмов, и пения птиц в кронах деревьев, накрывших райский уголок плотной завесой зелёных, вечно благоухающих листьев».

А чуть дальше он пишет ещё об этой удивительной местности: «Бесной поля и плантация чая в окрестностях Лыхны и Дурипша окрашиваются в особые цвета. Это не просто зелёные цвета. Это цвета нежности, тепла и надежды. Надежды на светлый завтрашний день...».

Нельзя не отметить, что ничуть с меньшим упоением Этлухов пишет в своей книге о традиционных абхазских застольях и местных блюдах, которые имеют самое полное основание считать себя таковыми же главными героями его романа, как и люди. «Селения в Абхазии, — подчёркивает он, — это не просто соленья, как во всём остальном мире. Соленья в Абхазии — особый продукт. Один их внешний вид вызывает сначала удивление, а затем желание попробовать их. Да и как не удивиться человеку, впервые видящему картину, в которой разрезанные огуры имеют тёмно-красный цвет? Такой же оттенок имеет и зелёный болгарский перец, и всё остальное, что находится в блюде с соленьями».

Ещё больше удивляется человек, впервые попробовавший эти довольно аппетитные на внешний вид соленья. Лицо его становится недоумённым, а глаза удивлёнными. Руки начинают непроизвольно искать, чем заест обжигающий аромат «абхазского чуда». Проходит ещё немного времени, лицо и глаза едока принимают нормальный вид, и вдруг на нём появляется довольная улыбка. Улыбка человека, понявшего секрет долготлетия абхазов и жителей всего этого благодатного края...».

По ходу своего богатого различной информацией произведения Этлухов щедро открывает перед читателями всевозможные тонкости абхазских отношений. «У абхазов троюродный брат считается близким родственником», — мимоходом сообщает он читателю своего романа. «Взаимоотношения абхазов и абазин невозможно измерить простыми мерками, — замечает он несколько дальше. — Их невозможно описать обыкновенными словами. Как невозможно понять щёбет ласточек, вернувшихся домой из далёких краёв, как невозможно понять грусть журавлей, уносимых ветром в далёкие неизведанные края. Взаимоотношения абхазов и абазин — загадка. В них всё — и радость, и беда, и горечь, и восторг. Всё это вместе. В одном взгляде, в одном слове...».

Так же, как дворы и улицы абхазских городов и селений окутаны ароматами цветущих клумб и зреющих плодов, так события романа Олега Этлухова наполнены дыханием интернациональной дружбы и любви между народами всего Советского Союза. Сегодня этой важнейшей теме почти не касается в своих произведениях ни один из современных писателей, и только один Олег делает её центром своего глубокого повествования. «Абазини и абхазы — один народ, — постоянно напоминает он своим братьям. — Только жестокое время разделило их на две части. Но даже время не смогло убить в их памяти того, что они ветви одного дерева. Деревя, потрепанного ураганами,

исхлестанного ветрами и дождями, но выжившего и крепко стоявшего на своей родной земле...». И даже больше того — описывая двор, в котором проживал один из его персонажей по имени Ахрик, Олег Адыль-Гиреевич говорит, что этот двор «был типичным продуктом советской системы. Здесь не было ни грузин, ни абхазов, ни русских, ни армян. Здесь жили люди, только двух национальностей. Хорошие люди и плохие. Каждый из жильцов этого двора знал, что кто-то — грузин, кто-то — абхаз, кто-то — русский, но не более. Информация о том, какой национальности, имела своё значение, но не занимала никакого особого места в системе взаимоотношений всех членов дворового сообщества».

И даже блатные и воры в Абхазии (а такие особи есть в любом уголке мира) ставили на первое место в человеке совсем не его национальность, а только талант. «Криминалитет, — пишет Этлухов, — не трагает поэтов и писателей, певцов и танцоров, футболистов и композиторов. Они их не только не трагают. Они им даже помогают иногда, если те попадают в трудную ситуацию и вора становится известно об этом. Так

Николай ПЕРЕЯСЛОВ Жемчужина Кавказа О романе Олега Этлухова «Далёкое солнце»

было совсем недавно в Сухуми, когда у талантливого молодого танцора Резвана из государственного ансамбля Абхазии умерла мать. Отца у него не было, род был небольшой, поддержать материально Резвана было особо некому. Похороны и поминки в Абхазии ритуал крайне дорогой. Расходы почти такие же, как и на свадьбу. Тогда-то и пришёл к Резвану совсем незнакомый ему человек и сказал:

— Возьми. Это тебе передали братаны за то, что ты часть души нашего народа.

Резван замаялся, не зная, что делать, но посетитель при всех присутствующих повторил:

— Бери, бери. Здесь нет денег, на которых кровь или слёзы бедных людей...».

Примерно такой же расклад, как у абхазского криминала с талантливым местной интеллигенцией, описывается Этлуховым и в Грузии, о которой он говорит, что «в этой стране спорт, культура и искусство находятся на особом положении. Они — основа самосознания нации. В этой стране известные футболисты Михаил Месхи, Слава Метревели, Каха Асатиани или Муртаз Хурцилава имели общественную значимость гораздо большую, чем многие министры или работники партаппарата республики. Они были в авторитете у всех слоёв населения республики, даже среди воров в законе. Не меньшей популярностью пользовались в Грузии певцы и артисты. Имена Нани Брегадзе, Бубы Кикиаидзе, Роберта Бардзимашвили и других знаменитостей знали и млад, и стар. Вся Грузия знала в лицо и почитала, как поблбогов, борца Шота Ломидзе, баскетболиста Зураба Саканделидзе, артиста Серго Закариадзе и многих других известных спортсменов, артистов и танцоров. Такая вот была страна Грузия, где всё прекрасное и вечное получало особую значимость...».

Роман Олега Этлухова переполнен именами людей, известных не только в Абхазии и соседних республиках, но и во всём мире, причём — не только широко уважаемых, но также и тех, кто вызывал и до сегодняшней поры вызывает у некоторых людей негативные мнения. Среди этих носителей плюсов и минусов есть такие персонажи как Баграт Шинкуба и Георгий Гулиа, Мао Дзедун и Иосиф Броз Тито, Энвер Ходжа и Михаил Шолохов, Иосиф Сталин и Александр Солженицын, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Никита Хрущёв и Эдуард Шеварднадзе, и ещё многие, многие другие. «В этой жизни, — говорил один из участников романа Этлухова, — есть ценности вечные и ценности временные. Деньги, большие кабинеты, блестящие на солнце золоты и всё прочее — это временные ценности. Уйдёт человек из большого кабинета — и о нём забудут на завтрашний день. Он знает что-то только до тех пор, пока сидит в этом самом кабинете или носит тяжёлый министерский портфель. Главное в этих людях — не они сами, а золоты, которые блестили на их плечах, пока на них смотрели ласковые лучи непостоянного солнца удачи. Зайдёт за горизонт солнце — и от их блеска ничего не останется. А Нико Пирсомани или Константина Гамсахурдиа будут помнить все и всегда...».

Вот о том, что составляет собой основу того, что люди будут помнить всегда, и размышляет в своём ярком романе Олег Этлухов. И высказанные в нём мысли не только укажут на особый сюжет повествования, делая излагаемую им историю умнее и эффективнее, но и подсказывают читателям, как им в реальной жизни нужно поступать правильно. Мы не один в этом мире, нас в нём столько, сколько звёзд и листьев в кроне, а значит — мы обязаны об этом всё время помнить. «В кроне дерева множество птиц. Их пение сливается с шелестом листвы и уносит человека внутрь самого себя. Туда, где слышит его душу только он сам и тихие ангелы. Ангелы, слетающие с небес и приносящие ему тихую печаль и светлое успокоение», — говорит один из героев романа Этлухова. Ещё более откровенно говорит на эту тему другой персонаж этой книги: «Вот я никак не могу понять и дать самому себе ответ на один единственный вопрос. Почему все народы вокруг нас — грузины, адыги, русские, турки и многие другие — всё набирают и набирают свою мощь, а мы всё теряем и теряем? Я думаю, не секрет, что царство народа Абазы простиралось по всему побережью Чёрного моря от Анапы до Ингура, от берегов моря до берегов Кубани. нас признавали как государство греки и византийцы, турки и русские, крымские татары и грузины. Не просто признавали, а вынуждены были делать это, зная силу нашего народа, его мощь, его возможности. Куда делось всё это? Куда уехали нас дороги времени и почему они завели нас так далеко в тулук? Теперь выход из этого тулупа один. Наше единение. Наше терпение. Наша воля и наш разум... Об этом говорил даже Маркс. Вернётся когда-то и наше величие. Но для того, чтобы этот день пришёл как можно раньше, нам нужно сегодня думать о том, как приблизить его. И не просто думать, а действовать. Делать конкретные шаги в этом направлении».

— Ты прав, — согласился с ним Мухарбий Забыт-Гиреевич. — Было время, когда наши предки разбрасывали камни. Теперь пришло время — собирать нам их...».

Вот ради того, наверное, чтобы напомнить людям о необходимости собирать разбросанные раньше камни, и был написан Этлуховым этот большой серьёзный роман, ведущий переключку со многими известными персонажами. А нам остаётся только правильно прочитать его и последовать за вычитанными в нём выработанными литературой и историей советами. Для кого же они писались, если не для нас?..

Биг фиш, или крупная рыба Владимир КОЗЛОВ

Об одноимённом сборнике рассказов Евгения Калачёва

Хорошую книгу можно сравнить с хорошим построенным, добротным домом, где читателю тепло и уютно. Такой дом под названием «Биг фиш, или Крупная рыба» недавно «выстроил» писатель Евгений Калачёв.

Входит в комнату этого дома уставший с дороги читатель, ложится на постель, закрывает глаза, и воображение переносит его на экзотический Остров, где по вечерам в гостеприимных барах «захаживают» певички в ярких платьях, где в магазинчиках продаются футболки и бейсболки с портретами Че Гевары...

Достать бы со дна океана красивую раковину, поймай бы в просвеченной солнцем воде, нырнув в маску, загадочную «биг фиш» — крупную рыбу!

Не сразу «превращается» читатель в «главного героя». Смотрит исподлобья, наблюдает...

Сергей — «главный герой» — бизнесмен из России. Поездка на Кубу — давняя его мечта. Он трудился «по десять две-

надцать часов в день, прихватывая и выходные дни, и праздничные», и выстрадал эту поездку. Жажда новых познаний ведёт его и в глубины океана, и на виллу Хемингуэя. И при всех обстоятельствах помнит он о том, что русский, гордится своей страной, сохраняет чувство собственного достоинства!

Понимает читатель, что Сергей — это Евгений Калачёв, сам автор, что достоверно, как сокровенному другу, рассказывает ему историю своей жизни. И в любопытном перевоорачивает следующую страницу сборника рассказов «Биг фиш, или Крупная рыба».

Воображение переносит его в дом отдыха под Ашхабадом, где «главный герой», приехавший из Сибири, вынужденный из штормовых волн семейных неурядиц и бракоразводного процесса, внезапно попадает в стиль и обретает счастье в объятиях смуглой голу-боглазой девушки, остриженной под мальчишью. Читатель ждёт счастливого

конца, но его не будет: прошлое властно позовёт «героя», разбередит-раскарапав рану былой любви...

«Смешно», «Аллитупия», «Чистый четверг», «Ураган», «Война сержанта Соловьёва» — вот названия рассказов, по которым, как по островкам в половодье, будет пробираться читатель, и будет замирать его сердце от великолепных пейзажей, от жалости к беззачетным животным, от любви и ненависти...

Откроет читатель глаза, вынырнув из воображаемого мира, благодарно улыбнётся автору и не захочется ему уходить из тёплого и уютного дома. И пригласит он пожить в доме под названием «Биг фиш, или Крупная рыба» многочисленных друзей и подруг...

